

Слышно...

Слышно, Шука ложнулась в затоне, Ухнул филин за рекой, и вдургу,

Должно быть, сразу две гармонии

Огласили приумолкший луг. У крутого лога— на замке—

Слышен говор. Тихий скрип ворот.

Не моя ли в шапке-невидимке

По деревне молодость идет? У дороги — каменная школа,

А напротив— домик в три окна,

Может, крикнуть: «Не ходи, Никола!

Разлюбил... Замужем она...»

Пролетела над затоном птица

Опустилась к камышам, слышать,

На замке кто-то в дверь стучится,

Да и мне Пера, пожалуй, спать,

Иду, иду... Куда?

И сам не знаю, Иду и все смотрю

По сторонам И чувствую — любовь

К родному краю Не растерял я

По чужим краям. Костюшкин Лог... В кустах—

Гнездо сорочье. Еще недавно

(завидать лет назад) Я где-то здесь приравл

Рубачу в клочья, Зачем-то

Вынная сорочат. Стою... Смотрю...

На дерево не лезу (удобно ли мне

в возрасте таком?!), Но и теперь

Охота до зарезу По озеру

Побегать боском. Упасть в траву, лежать,

Раскинув руки, От подступившей радости

Крычать! Лучшей. Истокоставшейся в разлуке,

Меня, жизнь По-новому начать.

Стою и улыбаюсь... Не спешу!

Когда хорошим Стану я поэтом,

Поэму Непременно напишу.

Лирическую, нежную, об этом.

Редактор П. П. КОЗЛОВ.

на то, как бережно прижимали они к груди изготовленные ими же «автоматы», чтобы понять, как им интересно. Игры повлияли и на успеваемость (брали лучш учащихся), а об игре известия заранее.

Так как же проводились игры? В общей сложности в них приняло участие 403 человека (имеются в виду только школьники, прибывшие в составе школьных подразделений), фактически же было больше ребят. Не вошедшие в

которые ребята отступили настолько стремительно, что оказались сразу на третьем рубеже обороны, миновав второй. Но в целом группа обороны сработала правильно. Отступив и закрепившись, выжидали, когда же разведка «противника» обнаружит их передовые части. Получив сведения от разведки, как «противник» близко, наступающие полком подбирались к его передовым рядам, но... там их ждали абсолютная тишина и безлюдие.

ружья и обороны, и наступления. С той и другой стороны были свои герои. Ночь уже покинула землю, когда школьные подразделения, выйдя из «боя», приступили к завтраку.

Потом, построившись, ребята направились к Бачатской средней школе. Здесь, у памятника в честь погибших в годы гражданской войны, состоялся разбор игр.

Со своими замечаниями перед ребятами выступили работники

группы наступления — одну для обороны — другую. Но для этого нужно заранее, месяца за два, знать, в какой группе будет участвовать та или иная школа. Среди руководителей игр шел такой разговор, чтобы следующие игры проводить днем. Ребятам, мол, тяжело, ночью они больше устают, им трудно ориентироваться в ночных условиях. На этот счет мнение самих ребят иное, а с их мнением нужно считаться.

Ю. КОРАБЛЕВ.

(РАССКАЗ)

П. Шмаков

КОШАДПРОВКА В ЛИСТВЯГИ

НА ЭТОТ РАЗ командировка выпала в глухую таежную деревушку Листвяги. Павел взял удостоверение из пухлых рук директора института, повертел его в руках и улыбнулся. Две черты, глубокие, темные, над большим тенюдыбм ртом на этот раз стали совсем не суровыми, а по-детски озорными.

Директор института вяло пожал Павлу руку и сличком внимательно посмотрел на его широкую, угловатую спину.

«Чему радуется человек? Не пойму. Я бы ни за что не поехал в такую глушь. Поистине— человек непостижим...»

Павел сошел с крыльца, перешел поперек улицы и свернул в парк. Песчаная дорожка, разомлевшая от тепла, угольным уходом в кизяки, порезанным весной дождем. Аллея так и называлась «Тополиная». Павел шел по податливому песку и не переставал улыбаться. Нежным и мягким повеяло от одного слова—Листвяги.

Туда он должен был поехать по вопросам пчеловодства. Пчеловод-любитель Ефим Чернов прошлой зимой содержал пчел в обычной траншее. Зарыл их—и делу конец. И сохранность почти сто-процентная, и корма пошло удивительно мало. Вот и ехал туда Павел ознакомиться с траншейным методом.

«Листвяги, Листвяги—да это же милые Листвяги», — шептал он, изредка поднимая руку и ладонью касаясь широких теплых листьев.

Он ходил по городу до шести вечера. Поезд уходил в десять. Собраться в дорогу—пара пустяков. Хотелось быть одному. Мягко попочтаться, погрузиться. Он не хотел думать, что будет там, впереди, как произойдет встреча. Пусть будет все так, как будет.

Хорошо от ожидания — и ладно. Словно ветви на песок падали разнообразные солнечные фигурки, трепетали, как крылья стрекоз. От этого рабило в глазах. Павел любил Тополиную аллею за ее безлюдие. Сюда мало кто ходил. Потому никто не мешало тихо бродить, думать о себе, о своих делах, о будущих статьях.

Деревья своим запахом отдавали напоминали тайгу, где прошло детство Павла...

Через два квартала дом Павла. Подняться надо на третий этаж. Дверь, обитая дерматином. Черная кнопка звонка. Нажмешь пальцем — и дверь раскроется. Полная, невысокая женщина. Это жена Она, как всегда, сухо подчеркнуто сказала:

— Туфли снять мог бы за дверью...

Черные, до сини, волосы коротко острижены, маленький рот ярко накрашен. Подбородок с маленькой ямочкой. Серые глаза равнодушные и усталые.

Павел смеялся, как и всякий раз, перед этой уверенной до невозможности в себе женщиной, развел руками. Хотел было сказать — понимаешь, Лида, такое ссапеление, — но слова пропали. Он осторожно снял туфли, повесил на плечики костюм и в носках прошел в комнату.

— В командировку еду. На месяц. Поезд уходит через два часа.

— Позвонить мог бы... Не трудно. Давно собралась бы.

Павел понимал: пока с ним жила дочь, было проще. Уехала, остался, и дом словно опустел. Чего-то не хватало. Когда поезд медленно полпыл мимо вокзала, Павел облегченно вздохнул. Веселые застучали колеса на стыках рельс, и в лад им зепело сердце: Листвяги, Листвяги...

Долго смотрел в окно: уходили степи, торопились назад деревья, мелькали стожки золотой соломы, маленькие деревушки, речушки с рябоватой синью воды, крохотные полустанки. Было в этом бесконечном уплывании что-то грустное и неясное. Мысли, бесформенные, как дым, возникали и гасли. Но в сердце легкость, нежность.

Утром следующего дня поезд начался легкая гроза. За весну она выдохлась, растратила свою энергию и потому промывала несерьезно, полущути. Выпшилки были короткие, негрозные. Дождя никакосек сек она, пузырлился, и от быстроты поезда капли стремительно сврывались. В купе сидела молодая женщина. Она читала книгу. Но как только нашла грозу, она подняла взгляд и тихонько произнесла:

— Хорош грибничек.

Павел удивленно повернулся к женщине и увидел, что она необыкновенно красива. А слова ее прозвучали, словно музыка. Хотелось узнать о соседке подробнее, прикоснуться к незнакомой жизни, протекающей далеко от жизни Павла.

Но он только и сказал: — Дождик омывает...

Он омывал вагоны от пыли, степи—от зноя, травы — от влаги.

В дорожных грозах есть по-русски грустная, притягательная сила. Вскользнет в душе забытое, давнее. Совсем незначительный взгляд юности всплещет, заполнит все твое существо.

Вдруг поймешь, что твоя мечта осталась позади нерешенной. И не потому, что тебе не хватало сил, а потому: не настояла, не ободрал руки в кровь, свернул с трудной, каменистой тропки на ровную дорогу. Станешь перебирать в памяти, где и когда свер-

Наши АДРЕС И ТЕЛЕФОНЫ

г. Белово, ул. Советская. 2-я площадка завода «Кузбассрадио». Телефоны редактора—4-03, 1 звонок, отдела сельского хозяйства—4-03, 2 звонка (городской коммутатор), отдела партийной жизни — 2-07, ответственно секретаря — 2-89, отдела культуры и быта — 2-70, отдела писем — 2-08 (коммутатор 2-й площадки завода «Кузбассрадио»).

нул от своей мечты. Если и узнаешь, мысленно представишь, где это произошло, что толку, возвращаться поздно. Но бывает и по-другому. Слово крылья у тебя вырастут, сила новая появится, и тогда под стать любым дела тебе, человеку.

Павел смотрел за окном и с грустью вспоминал вот такой же мелкий легкий дождичек. Шумела нестрогой тайга, попискивали птички, взом, легким и неуловимым, рассыпались их голоса. Они с Настей ходили к озеру. А когда возвращались, их нагнала легкая тучка, окатила светлой влагой и по-детски шаловливо убежала за зубчатый сосняк. Они не прятались от дождя, а смотрели вверх и смеялись. Настя тогда и сказала:

— Дождь омывает... Захрипел вагонный динамик словами: «...буду до рассвета я встречю ждать с тобой», бесстрастным голосом спросила проводница: «Чай кто будет пить?», но настроение у Павла не упало, не утерялось ожидание радостного...

Пол вечер усталый поезд замедлил бег на разъезде Строительный, высадил Павла и снова ушел на Восток.

Павел увидел подводу. Чалый мерня был привязан к обглоданной березке и лениво перебарывал губами, касаясь режущих листьев. Павел подошел к лошади, увидел свое отражение в алмазном глазу и засмеялся.

— Не Клементьев будешь? — голос за спиной слабый, с прищевством.

К Павлу подходил маленький старичок с лысчатой, кудрявой бородкой. Острые скулы его коричнево блестяли. Был он в сером длиннополом костюме. За голенищем кирзового сапога кнут. «Дед Шукарь». Как есть, дед Шукарь—с удовольствием отметил про себя Павел и шагнул на встречу.

— Он и есть, дедусь.

— Телеграмму вечер получили. Известно, по разъездным делам я считаю мастером. Вот и поручили сызнова... Ряды ученому человеку. Ученые свет, а не ученые тьма. Внучка моя такое говорит. Во второй ходит, — не без гордости сообщил дед.

(Окончание в следующем номере).

// Ленинское знамя, 1965, 15 мая, с. 4.